

Школа общины с Хулианом Карроном
Милан, 19 декабря 2018 г.

Текст: Л. Джуссани. *Зачем Церковь*. С. 232–241.

- *Наја о que houver*
- *Da font de me anime*

Слава...

Veni Sancte Spiritus

Всем добрый вечер. Обратимся к главе «Дерево познается по плоду», которая начинается с напоминания о самой первой теме книги «Зачем Церковь», поскольку плоды христианской жизни рождаются именно в рамках Церкви. Но что такое Церковь? «Церковь есть жизнь», и, следовательно, «чтобы судить о ней, нужно в ней соучаствовать» (ср. С. 232). Плодов может ожидать лишь тот, кто участвует в жизни Церкви там, где она проживается по-настоящему. Не любое место, не любой способ участия в жизни Церкви автоматически дает плоды. Ничто в человеческой жизни не происходит само собой, о чем нам почти каждое мгновение напоминает отец Джуссани. Первое условие – жить в месте, где нам доступен истинный христианский опыт. Живем ли мы жизнью Церкви во всех ее проявлениях, будет видно по нашей способности приносить плоды, поскольку по плодам познается дерево. Если мы действительно соучаствуем в жизни Церкви, то в один прекрасный момент с удивлением заметим в себе что-то новое, ведь плоды – признаки продуктивности такой жизни, которая передается и нам, они указывают на то, что Церковь есть место, где действует Тайна. Именно это мы пытаемся усвоить на протяжении всей книги: если Церковь действительно является продолжением Христа, у меня должна быть возможность переживать реальный, истинный опыт, позволяющий мне решить, присоединиться ко Христу или нет.

В *Символе веры* Церковь описана через следующие характеристики: единая, святая, вселенская и апостольская. Таковы плоды ее продуктивности. Сегодня мы коснемся единства – первой, по словам отца Джуссани, характеристики того, что живо (ср. С. 233). Именно его Иисус желал донести до нас – удивительное единство, как то, которое Он переживал в отношении с Отцом. И по этому единству, когда оно передается, можно признать, что Христос исполнил замысел Отца: «Как Ты... во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в нас едино» (*Ин.* 17:21). Часто мы останавливаемся на этом уровне единства, на единстве между нами, однако, чтобы переживать единство между нами, нужно еще прежде заметить единство в самих себе, в нашей жизни – единство, отвечающее на нашу потребность в нем. Кто-то мог бы спросить: почему единство так важно? Почему плодом действенного присутствия Христа является именно единство? Достаточно посмотреть на самих себя, когда мы целны перед лицом реальности или же внутренне раздроблены и думаем только, как бы увернуться от обстоятельств, в которых задыхаемся. Наше общее желание заключается в том, чтобы быть самими собой, целиком и полностью совпадать с тем, чем мы живем, с текущим моментом. Сегодня вечером мы хотим проверить, когда и как каждый из нас в обстоятельствах жизни заметил потребность в единстве.

Утром 24 ноября я с пятью подругами с моей школы общины участвовала в продовольственном сборе в маленьком супермаркете на юге Милана. Мы работали в первую смену и потому

с уверенностью в сердце обустроили рабочее место, подготовили коробки и онлайн-регистрацию продуктов и так, в нормальном организационном режиме, свойственном пяти опытным матерям, начали продовольственный сбор. Очевидно было единство между нами, единство со сбором и желание полноты, о котором я уже давно прошу, чтобы оно сопровождало меня в повседневной жизни: в отношениях с мужем и детьми, когда я иду на работу, застилаю кровати, развешиваю белье или убираюсь в доме. Весь день я видела неожиданные встречи, ясно свидетельствовавшие о бесспорном присутствии Господа. Около десяти подошел молодой отец семейства с группой подростков из оратория неподалеку. Молодой священник, который был с ними, начал весьма эффективно распределять дела между ребятами, взвешивать коробки и т. д. Это было настоящее зрелище, и, находясь перед ним, мы вместе наблюдали за тем, что творил Господь для нас. Потом, после обеда, пришли восемь старшеклассниц – возможно, только потому, что я, будучи их преподавательницей, пригласила их. И в этом случае я тоже, последовав совету одной моей подруги, позволила Господу действовать через них, позволила им действовать, благодаря чему стала возможной настоящая встреча с теми девочками, а также с самыми разными людьми, посетившими супермаркет. Несколькими неделями ранее мы с моими подругами с той же готовностью участвовали в «Палатках AVSI». Сейчас в моем сердце звучит следующий вопрос: что помогает испытывать такое же желание полноты в повседневной жизни со всеми ее проявлениями, хорошими и плохими, трудными и не очень, но в любом случае дарованными? Что для этого нужно? Путь взгляда, а значит, и суждения? Следование? Молитва? Верность работе над школой общины? Все это способствует нашему пути в сторону нищеты духа?

Видите? Как ты сказала, приняв участие в сборе, ты сразу же заметила единство между вами. День прошел так, что тебе захотелось, чтобы пережитое стало частью повседневности. В этом и заключается продуктивность Церкви: ты вернулась домой с еще бóльшим желанием не потерять то, что пережила в тот особый день. Настолько нам соответствует этот опыт, что мы хотим, чтобы он проник во всю нашу жизнь. Мы далее увидим из ваших свидетельств ответ на вопрос о том, какие шаги необходимы, чтобы такой опыт стал реальностью, и каким образом мы можем помогать друг другу в этом. Часто мы сталкиваемся с тем, что наше желание единства не осуществляется, а наша жизнь словно состоит из непроницаемых отсеков.

Последние недели были достаточно тяжелыми. Я постоянно ношу между лекциями, лабораторией и другими делами. Даже когда мне удастся остановиться ненадолго и, например, пообедать с друзьями, я должна постоянно смотреть на часы, чтобы не опоздать на следующую встречу. И поскольку я все время куда-то бегу, часто мне кажется, что во всех этих делах я теряю саму себя, не имея ни минуты, чтобы перевести дыхание, посмотреть на себя и спросить, как я. В итоге все становится тяжким грузом (в том числе и потому, что постепенно усталость накапливается), хотя мои занятия по отдельности мне по душе: я хожу на интересные курсы, мне нравится работа в лаборатории или с представителями моего факультета и ответственными студенческих организаций. Вопрос о единстве – это прямо мой вопрос. Слова Джуссани описывают определенный образ жизни, который я пока не вижу в себе, но которого очень хочу для себя. У меня ощущение, что моя жизнь состоит из «непроницаемых отсеков», мне сложно найти некий общий знаменатель, объединяющий все, особенно учитывая, насколько разными делами я занимаюсь. Как можно переживать в повседневных событиях единство, о котором говорится в тексте школы общины? Я понимаю, что, чтобы начать улавливать ответ, нужен путь, и именно поэтому я должна за кем-то следовать. Из школы общины мне понятно, как важно иметь ясный критерий, и я даже догадываюсь, в чем он может заключаться, однако и здесь я испытываю трудности. В начале

дня я читаю утреннюю молитву или хожу на мессу, но потом словно живу в забытьи. В связи с этим я хотела попросить у тебя помощи. Что для тебя значит жить единством?

Прежде всего, что ты с ясностью поняла из того, о чем сейчас рассказала? Наиболее очевидное?

Что сама я не справляюсь.

И что единство мы не можем построить сами. Это кажется банальностью... И потому, когда Церковь говорит, что ее продуктивность видна в «единстве сознания», она нам как бы дает обещание, соответствующее тому, чего ты желаешь: ты не знаешь, как этого достичь, но желаешь. Но то, чего ты желаешь, ты не можешь произвести самостоятельно. И сознавать это крайне важно, поскольку в таком случае нет нужды корить себя, достаточно просто признать, что нам это не по плечу, что мы не в состоянии сложить воедино все детали жизни и часто теряемся за множеством дел. Результат этого – тревога, отчаяние. Что же нам помогает? Какое обещание дает нам Церковь? Как мы начинаем замечать в себе единство, благодаря которому жизнь не состоит из непроницаемых отсеков? Сейчас, когда вопрос нам ясен, прислушаемся к следующим свидетельствам, чтобы уловить в них ответ и понять, какова отправная точка в решении проблемы.

Моя жизнь в эти дни протекает совершенно обычно: дом, школа, семья. Как я открываю для себя единство сознания? Глядя, как я живу. Наблюдая за собственной жизнью, я заметила, что память о Христе становится нормой (к моему удивлению, и в другой книге Джуссани я прочитала о «памяти как о норме жизни»). Только когда я пребываю в диалоге с присутствием Христа, память о Нем оживает во мне, и я могу переживать все, ведь тогда все становится возможностью войти в отношение с Ним. Попробую объяснить на примерах (это совсем незначительные факты, но для меня важные). Несколько дней назад я в спешке зашла в первый попавшийся бар, где никогда не была. Едва переступив порог, я пожалела: место оказалось маленьким, темным и грязным. Женищина за стойкой была унылой и грубоватой. Я ела свой завтрак и думала: «Вот сейчас пойду в школу и расскажу об этом ужасной месте...» Но потом вдруг остановилась, не закончив мысли, поскольку ее сменила другая: «А как Христос смотрит на этих людей?» И далее: «Он ведь бесконечно любит их, так же, как бесконечно любит меня». Я посмотрела на ту женщину и поняла, что до того момента еще ни разу не взглянула ей в лицо. Меня охватила безграничная нежность. Я поняла, что желаю блага ей и другим людям, сидевшим в баре. Другой пример. В школе у меня есть очень ленивая и нахальная ученица. Во время контрольной она подошла ко мне с вопросом, и я увидела, что она, как обычно, в панике. По привычке я бы отнеслась к ней резко, но в тот день она растрогала меня, поскольку уже какое-то время я смотрела на нее исключительно в силу того, «чем она не являлась». И вновь та же мысль: «Она драгоценна в Его глазах и потому она мне подруга!» Я ответила на ее вопрос и подбодрила ее, высказав уверенность в том, что контрольная ей по плечу. Она посмотрела на меня в растерянности. Ей тоже казалось, что я ничего уже не жду от нее. Более того, она и сама от себя ничего уже не ждала. Впервые она вытерла слезы и принялась за работу по-настоящему. И третий случай. В субботу утром я проснулась рано: моя старшая дочь разбудила меня, потому что младшая опрокинула на себя чашку с молоком. Было семь часов, а для меня это рано в выходные; я встала и на секунду ощутила все вокруг безумно чуждым. Но потом, прямо как говорится в «Религиозном чувстве», я с удивлением открыла для себя вещи, вещи как они есть: я сама, мои дочери, моя кровать, разлитое молоко, чашка – все это было! И Бог дает мне все, потому что через вещи, через жизнь я больше узнаю Его, сильнее привязываюсь к Нему и открываю ранее неведомые, более истинные

мои стороны. И я желаю жить всем этим. Ничто больше не чуждо мне и не вызывает страх. Я рассказала о моем опыте маме, а она ответила, что он не обязательно будет ясен для всех, поскольку кому-то может показаться своего рода волюнтаризмом, результатом моих способностей. Я задумалась над ее словами и заметила следующее. Прежде всего, тем, кто со мной знаком, ясно, что это не так. И другая вещь, которую помогло мне понять замечание моей мамы: даже если кто-то считает мой опыт не истинным, это его дело! Я уверена в том, что со мной происходит, и мне не нужно быть убедительной. Не то что я не желаю рассказать о происходящем со мной всем (более того, я всем рассказываю), но я не завишу от чьего-либо мнения. И в этом для меня – абсолютная новизна. Раньше мне всегда требовалось согласие других, чтобы быть уверенной.

Мы видели, что своими силами человек не может создать единство. От чего отталкивалась ты, чтобы понять всю его новизну? Ты об этом сказала, я не знаю ничего, кроме того, что вы сами говорите. У меня нет выделенной линии со Святым Духом. Сегодня вечером мы услышали о двух отправных точках, из которых вытекают два разных метода. Первый – это когда человек может пытаться достичь всего собственными силами, и у него не получается. А из чего исходила ты?

Из того, что Господь меня любит.

«Наблюдая за собственной жизнью, я заметила, что память о Христе становится нормой». Понимаете, как связано то, о чем мы говорили на упражнениях Братства – «близость со Христом», и повседневная жизнь? Такая близость не избавляет от разнообразных вызовов, какими для тебя стали женщина в баре, ученица, ты сама, твои дети, но благодаря ей из твоих глубин поднимается надежда, которая есть в тебе, если выразиться словами отца Джуссани. И происходит это в определенных обстоятельствах. Что-то предшествует мне: память о Христе, признание Христа, близость с Ним. И от этой живой близости, которую человек может испытывать лишь в одном месте – в Церкви, рождается плод единства, который меняет облик вещей. И мы уже не живем словно в непроницаемых отсеках, все говорит нам о Нем. Результат – единство, достигнутое не нашими усилиями и стараниями, единство как «ощутимая ясность в восприятии смысла жизни, при которой основой для суждения о самих себе и о мире служит единое неоспоримое Присутствие» (С. 234). Оно настолько проникает в мой взгляд, что я уже не могу смотреть на реальность, на все происходящее со мной, если не сквозь него.

Я упорно работала над пунктом про единство, и – не буду скрывать – мне было очень сложно понять текст. Каждый день я перечитывала его и, казалось, понимала чуть больше. Но у меня все равно много вопросов. Попробую обобщить их в следующих двух. Не мог бы ты на примере объяснить, что значит, что для христианина критерием всегда является Личность с большой буквы? Отчасти на него уже ответили.

Отчасти. Попробуем углубиться в него.

Второй вопрос связан с подпунктом о единстве как о строе жизни и касается опыта. В последнее время я переживаю немало трудностей, физических и разных других. Почти спонтанно я стала жертвовать мои страдания за разрешение болезненных ситуаций, о которых мне известно. Потом я прочитала отрывок из школы общины, где говорится: «В церковной традиции... нет такого поступка... который не нес бы в себе ответственности за всю вселенную, не обладал бы вечной ценностью» (С. 237–238). Я задумалась над этими

словами. В силу пережитого опыта я уверена, что даже самые тяжелые обстоятельства не бесполезны, они даны мне ради моего блага. Однако, как мне кажется, здесь Джуссани затрагивает нечто еще более грандиозное. Любое наше действие есть соучастие в спасительном действии Бога. Так происходит всегда, независимо от того, насколько сознательно я живу или совершаю что-либо? И еще: это утверждение – догма, как догма о Троице, или то, что я могу проверить?

Рассмотрим первый вопрос, который ты задала: «Не мог бы ты на примере объяснить, что значит, что для христианина критерием всегда является Личность с большой буквы?» Начнем с личности с маленькой буквы, потому что, только если нам понятны примеры с маленькой буквой, мы разберемся и с большой.

Я вместе с другом поехал в гости к двум нашим друзьям, которые несколько недель назад стали родителями. Малышка появилась на свет 22 ноября, и, как легко себе представить, перевернула жизнь своих мамы и папы. Пока мы с другом направлялись на машине в сторону их дома, я получил сообщение от новоиспеченного отца, в котором говорилось: «Подъедешь – позвони, я спущусь и открою дверь». Мы удивились и подумали, что, вероятно, у них сломан домофон. Когда мы были на месте, он вышел нам навстречу и объяснил, что малышка отдыхала и поэтому он просил нас не звонить в домофон. Мы вошли в дом. Там царил впечатляющая тишина. Начинаящий папа пошел на кухню и продолжил следить за приготовлением мяса. Каждый его жест – от того, как он открывал кран, до того, как передвигал посуду – был продиктован простым фактом: его маленькая дочь спит этажом выше и ее не надо будить! Потом с сияющим лицом вышла поздороваться и мама. Мы с моим другом поприветствовали ее, стараясь как можно меньше шуметь. Меня поразило, что и мы двое оказались вовлечены в этот новый стиль отношений, новый способ поведения, исполненный внимания и расположенности, который новорожденная девочка определяла одним лишь фактом своего существования. Каждый жест был отзвуком этого отношения, столь актуального и современного, что им определялось все внимание, забота, новый стиль жизни. Не было никаких правил, никаких указаний сверху: была она, малышка, спавшая этажом выше. И хотя мы еще даже краем глаза ее не видели, все, буквально все говорило о ней. Взгляд ее родителей, взволнованный, распахнутый перед увлекательным путем, на котором, по их собственным словам, они хотят проверить верность Того, Кто их призвал. Их лица, такие радостные, – красноречивый знак происходящего, коснувшегося даже того, как они клали приборы на стол, чтобы не шуметь. Вот оно, эхо школы общины: не было ни одной детали, самой маленькой и незаметной, которая не говорила бы о присутствии малышки. И в конце концов совершенно неожиданным образом неугомонное желание увидеть ее за время ужина сменилось уверенным ожиданием, поскольку по сути мы уже встретились с ней. Она как бы сквозила через всю реальность. Каждое действие в тот вечер объяснялось в свете ее присутствия. Так мне стало ясно, в чем состоит понятие заслуги, о котором говорится в школе общины: «Нет такой мысли, сколь бы ни была она потаенной, такого поступка, сколь бы ни был он ничтожен, такого действия, сколь бы ни было оно сокрыто, которые не несли бы в себе ответственности за всю вселенную», то есть не имели бы «глубокой связи с присутствием Христа в мире» (С. 237–238).

Я попросил тебя выступить, потому что часто мы усложняем жизнь. Но все, как видите, просто. Когда некое присутствие определяет все факторы жизни, признать это легко. Сознания о малышке, которая спала этажом выше, хватило, чтобы задать тон всему вечеру. И как уже было сказано, только если это присутствие настолько хорошо нам знакомо, настолько очевидно

в настоящем, что охватывает нашу жизнь и позволяет нам переживать все в отношении с ним, – только тогда все становится единым, потому что во всем мы стремимся жить ради этого присутствия. Христос не изобретал нового метода. Единственная разница заключается в том, что Он поместил в нашу жизнь Присутствие, бесконечно более мощное, чем присутствие спящего младенца, – Самого Себя. Вопрос в том, удастся ли нам в ходе жизни, посреди рассеянности постепенно возвращаться к этому Присутствию, которое объединяет все факторы реальности, даже те, которые мы пытаемся отрицать.

Меня очень поразил отрывок из школы общины, который я сейчас процитирую. «В этом сам дух католических представлений о жизни. ...божественному в Церкви вовсе не требуется что-либо отрицать: подобное целостное воззрение находит ценность во всем, ничем не оскорбляясь. Иначе говоря, Церковь может быть уверена, что для поддержания своей цельности она не должна что-то забывать или отвергать». Постепенно эти слова проникли в меня, и я начала замечать, как много, по-настоящему много в самой себе и в моей истории я отвергаю или забываю. И в то же время никогда еще не было во мне так живо желание, чтобы моя жизнь была цельной, когда я дома и занимаюсь моими делами, когда дом пустеет. Так я начала смотреть на себя и немало увидела. Я отрицаю и забываю, что зло, которое совершаю или претерпеваю, доставляет мне ужасную боль, но это в действительности важнейшие моменты проверки на моем пути, когда можно начать смотреть на то, что ранено, на отношения, которые я разорвала или которые разорвали со мной, болезни моих детей сказать: «В конце концов я боюсь всего этого. Кто же может вновь поставить меня на ноги?» Недавно мой младший шестилетний сын весь день действовал мне на нервы, и, вымотавшись, я вlepила ему затрещину... Он широко раскрыл глаза, потому что не ожидал этого, и, прежде чем побежать ко мне и обнять меня, на несколько секунд упал на диван, закрыв лицо подушкой, и замер. Меня расстрогала его попытка спрятаться, его нежелание что-либо видеть. И я подумала: он поступает так же, как я! Глядя на мои раны, я замыкаюсь в себе и ничего уже не вижу кроме того, что меня ранили! Сейчас, когда мне хватает смелости, чтобы смотреть на собственную человечность, я понимаю, что уже есть Присутствие, которое хочет, чтобы я была цельной. И все, чего я желаю, – иметь силы, чтобы вновь смотреть в Лицо, позволяющее мне отдыхать. Как делает это мой сын.

Итак, почему твой сын вновь стал искать тебя?

Потому что я осталась рядом.

Прекрасно! Все просто. У нас тоже появляется желание сбежать, как у ребенка. Что же помогает нам, как ты прекрасно сказала, набраться смелости, чтобы смотреть на собственную человечность, ведь именно этого мы так хотим, чтобы быть цельными, едиными? Присутствие, Присутствие, с которым мы встретились. Без него мы и мечтать не можем о единстве. Но не потому, что не желаем его, а потому что, когда происходят определенные события, нам не удастся смотреть на самих себя с той же нежностью, с какой смотрит на нас Христос. Этот инаковый взгляд – не результат наших усилий, а плод участия в жизни, в жизни Церкви, где на нас смотрят таким образом, где нам передается взгляд Христа. И это позволяет нам смотреть на самые таинственные вещи, какие только могут произойти в жизни, самые болезненные. Ничто не остается в стороне.

Чтение пункта о единстве произвело на меня сильное впечатление, особенно при мысли о том, что мы живем в мире, где все, кажется, рассыпается и разделения возникают внутри самой

Церкви и Движения. Я читала и перечитывала эти страницы, и они ранили меня, и моя рана, мое стремление понять, что такое это единство, которое «сияет» в Церкви, в последние дни не оставляли меня в покое с момента пробуждения. В прошлую среду с этой раной на сердце я поехала на похороны одного дальнего родственника, умершего неожиданно. Он и его жена много лет назад потеряли в аварии единственную дочь. В ту пору оба были атеистами. Боль от смерти дочери помогла им открыться и заметить христианскую общину в очень конкретной форме: они встретились с братьями, которые опекают Институт Святого Семейства по соседству с их домом. Дружба с ними привела к поразительному обращению жены, а потом и мужа. Он говорил о себе: «Если бы Господь Сам не изменил меня таким образом, ничто другое не смогло бы!» Связано ли это с единством, о котором я сказала вначале? Да, по разным причинам. Во-первых, на похоронах, в переполненной церкви рядом с женой, там, где обычно садятся ближайшие родственники, была вся община Святого Семейства, как бы доказывая, что Христос видимым образом творит отношения единства, гораздо более прочные, нежели кровные узы. Во-вторых, жена в конце мессы сказала несколько слов (и это были ее слова, не мои) об их истории. Она говорила, что смерть дочери стала моментом в реальности, который открыл их (она использовала этот глагол) перед мыслью о Боге. Пока я ее слушала, для меня вдруг прояснилось значение третьего подпункта о единстве как о строе жизни. Любое время и любое пространство, «завоеванное Христом», становится местом, где Он являет Свою близость, – даже смерть ребенка. И о чем это говорит мне со всеми моими ранами? О том, что единство творит Бог. И я не должна пытаться выстроить его там, где его нет; нужно искать основание, возвращаться к Тому, в Ком только и можно найти основание для единства. И еще: когда я всерьез работаю над школой общины, реальность обретает смысл, отвечает. Притупленная и ничего не говорящая реальность всегда начинается с моей притупленности.

Тут мы видим, как отвечает реальность на вопрос, который мы часто задавали себе в ходе работы. Как воссоздается единство личности, если человек пережил столь глубокую рану – смерть ребенка? Родители не могли сами достичь единства, которое ты в них увидела. Смерть дочери стала для них тем моментом в реальности, который открыл их, и эта открытость позволила им принять Присутствие. «Если бы Господь Сам не изменил меня таким образом, ничто другое не смогло бы!» – говорил отец. Невозможно добиться этого нашими усилиями. Но как Он сотворил это единство и сделал его таким конкретным? То, что позволяет созидать единство, что порождает его, – это то, о чем мы говорили в самом начале: участие в жизни Церкви там, где она проживается по-настоящему, всерьез. В данном случае – среди братьев-монахов. Сам Христос, присутствующий в христианской общине, созидает единство личности, отмеченной такой глубокой раной. Действительно, когда человек открывается перед Ним в христианской общине, «видимым образом творится отношение единства, более прочное, нежели кровные узы». И такой опыт помогает понять единство как строй жизни и отвечает на вопрос одного человека, который сегодня не смог приехать: «Как приходить в себя после ударов жизни?» Мы видели: тут не нужны героические усилия с нашей стороны, необходимо просто согласиться в полной мере участвовать в жизни Церкви. Такое участие способно менять нас и порождать единство, исцелять раны и давать новое начало жизни, если человек открыт. Не требуется никакого героизма. Если мы так не поступаем, это из-за нашей нерасположенности, а не потому, что жизнь Церкви не в состоянии ответить в том числе и на ситуацию смерти и на рану, которую смерть наносит нам. Так мы подошли к повседневной жизни, к работе.

Джуссани говорит, что отдельный человек через свои действия, через глубокую связь с присутствием Христа несет ответственность за судьбу мира. Мы уже об этом сказали. «Труд», работа как их описывает Джуссани, кажутся по-настоящему интересными, и тот факт, что я не все понимаю, расстраивает меня. Объяснив, как реальность, сначала двойственная и препятствующая, становится проводником, он продолжает: «В той мере, в какой мы погружаемся в сакраментальное действие, наша человечность вливается в тот миг, в котором человек снова окажется на своем месте в мире, то есть перед Богом» (С. 240). Вот мой вопрос. Что значит эта фраза? Почему он говорит и о таинствах? Единственная мысль, которая мне приходит в голову, это что и работа становится возможностью предстать перед Богом. Со мной так происходит, не всегда, время от времени. Работа для меня – способ самовыражения, вне всякого сомнения. Чем чаще я смотрю на то, как я действую, тем больше замечаю, что искренен, когда отвечаю согласием на какие-то дела или расстраиваюсь, сказав нет, когда со всем вниманием подхожу к деталям... Я вновь начинаю видеть любовь к тому, что находится передо мной, любовь, ставшую зрелой в принадлежности Христу, и это настоящая сенсация. И правда, как можно любить реальность со всеми ее кажущимися противоречиями и несправедливостью, со всем ее грузом? Джуссани идет дальше и говорит о работе как о свидетельстве присутствия Божия, выражающемся в чудесах. То есть о природе, которая из двойственной и препятствующей вновь становится путем, проводником. Не мог бы ты прояснить такое новое понимание работы?

Что тебя так поражает в том, что касается таинств?

Мне они всегда казались чем-то отдаленным, особенно по молодости. Со временем же...

Что тебе ближе таинств? Христианская община!

Да!

То есть Церковь, которая в таинствах обретает свои корни, корни того, что ты находишь в этой конкретной человеческой компании, способной тебя менять или, как ты говоришь, позволяет тебе воспринимать противоречия и несправедливость как нечто пригодное для жизни. С работой то же самое. Если ты живешь в христианской общине с таким сознанием, постепенно Присутствие охватывает тебя, и ты вслед за святым Павлом понимаешь: «Что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня» (Гал. 2:20). Если ты каждое утро, читая, например, молитву «Ангел Господень», позволяешь Христу войти в твою жизнь, то со временем увидишь, как это влияет на твою работу, так что в ней побеждается двойственность и ее охватывает та же новизна, что охватила и тебя. Ты должен ждать этого как плод твоей принадлежности к Церкви, а не «пришпиливать» к работе определения, которые в конце концов делают нас холодными. Когда ты принадлежишь к христианской общине, которая является Его знаком, Христос меняет тебя. И изменения рано или поздно коснутся и работы. Как только увидишь это, возвращайся и расскажи нам. Так становится интересным и понятие заслуги.

Я замечаю разницу между тем, как понимает заслугу Джуссани и как понимаю ее я, как понимает ее весь наш менталитет. Меня крайне интересует это понятие, но для меня оно всегда совпадает с тем, чтобы быть на высоте в той или иной ситуации. Я заслуживаю мою работу только в том случае, если мои лекции (я преподаватель) вполне отвечают ожиданиям моей школы и сообразны возложенной на меня ответственности. Или если на работе,

в отношениях с коллегами мне удастся зарекомендовать себя и добиться признания. С другой стороны, ошибаясь, я уверен, что не заслуживаю того, чем живу, поскольку я должен бы быть на высоте, но не достаю до нее в тех или иных обстоятельствах. Думаю, сказанное можно обобщить так: для меня ценность – в успешности, а заслуга совпадает с неким долгом. Почему такое понимание заслуги для Джуссани (и, полагаю, для тебя) неправильно? Почему ценность любого обстоятельства и наша заслуга заключаются в том, что Бог дает нам возможность соучаствовать в Его замысле? Если это так, не идет ли речь и в этом случае об успехе и о том, чтобы быть на высоте? Или я ошибаюсь?

В чем ценность заслуги? Можем ли мы привести примеры, из которых видно, что суть вопроса не в успехе, не в том, чтобы быть на высоте? Я всегда привожу следующие. Что могла бы сделать Богородица для тебя, для меня, для мира, что было бы важнее ее «да» Христу, чем ее «да» в ответ на благовестие Ангела? Думаешь, Богородица могла сделать что-то более важное, чем ее ответить «да»? Нет. В этом заключается заслуга! Не выбраться из своей деревни, а сказать «да» – вот что совпадает с благом всего мира. Как видишь, оно никак не связано с успехом или с тем, чтобы быть на высоте. Ценность действия обретает свое значение в силу отношения с полнотой. Второй пример. Думаешь, у Джуссани в жизни могло найтись более интересное занятие, чем говорить «да» Христу? Пусть каждый подумает: за что мы благодарны отцу Джуссани? За его «да». Именно из этого видно, что такое заслуга. Что можешь сделать для мира ты, подобно Джуссани или Богородице?

Отвечать.

Не быть на высоте, не добиться каких-то результатов, потому что можно достичь успеха или не достичь в зависимости от обстоятельств, можно работать сторожем или главой правительства, но с точки зрения заслуги нет никакой разницы, поскольку не все могут возглавлять правительство, не всем хватает качеств и возможностей, чтобы заниматься этим. Но человек, который занимается самыми незначительными вещами – например, подтирает попу своему ребенку, возможно, созидает мир в большей мере, чем глава правительства, если он это делает с таким сознанием, с каким жила Богородица. И в этом – освобождение. Потому что твое действие, даже маленькое, даже, казалось бы, банальное, может быть в высшей степени достойным. Все мы знаем, какой благодатью было для нас «да» отца Джуссани. Так же, как когда человек встречает тебя на работе и понимает, какое ты благо для него, какая ты благодать для него, потому что говоришь «да». Ему гораздо важнее твое «да», чем твои успехи. Это и есть заслуга. И как видишь, это совсем иной способ мыслить. И где больше реализма – в таком способе или в твоём?

Я как раз спрашивал себя, по каким признакам можно сказать, что из этого истиннее.

В этом вся соль. Что больше повлияло на мир, что больше изменило его? Что было большим благом: «да» Богородицы или «успехи» Пилата?

Меня очень поразило, как во втором подпункте говорится о новизне, и особенно слова Джуссани на с. 237: «Жизнь как новизну можно гораздо лучше ощутить, когда случается нечто ожидаемое, чем в различии между настоящим и прошлым. Новизна и в культурном смысле заключается в открытии некоего соответствия, которое возможно, только если ему предшествует надежда, желание, ожидание, потребность. В таком случае новизна есть исполнение этой надежды, удовлетворение этого желания, ответ на это ожидание. Для

христианина она не в перемене как таковой, но в изменении, происходящем с помощью того целостного принципа собирания, благодаря которому все творение „есть тайна“». Последняя фраза мне совершенно непонятна, но весь этот абзац представляет собой большой вызов, поскольку для меня новизна действительно состоит в моем изменении. Поэтому часто я живу согласно некоей мере, а не ожиданию, и мера эта душит меня, особенно учитывая мой возраст – шестьдесят три года. Я спрашиваю, каким желанием, какой надеждой, каким ожиданием, какой нуждой живу. Когда вечером я смотрю на себя и почти ничего не вижу, я понимаю, что живу не любовью! Помоги мне, пожалуйста. Спасибо за твою помощь на нашем жизненном пути.

Мы не должны упускать из виду эту фразу, потому что она несет освобождение. Когда работа нас угнетает, чего мы часто хотим? Сменить работу. Когда обстоятельства нас угнетают, чего мы хотим? Чтобы изменились обстоятельства. Когда кто-то нас достает, чего мы хотим? Сбежать. Но уверены ли мы, что именно это меняет ситуацию? Нередко из одного душного места мы перемещаемся в другое, еще более душное. Человек, страдающий язвой желудка, носит ее с собой. Недостаточно сменить ресторан, чтобы избавиться от нее. Джуссани же говорит нам: подлинная новизна заключается не в разнице между прошлым и настоящим. Все вокруг стремятся постоянно сменять занятия, все ждут путешествий. Согласно господствующему менталитету, именно отсюда возникают изменения. На самом же деле нужно ждать единственное, что может изменить жизнь, – событие Христа в обстоятельствах. Тогда все становится иным. Я уже не жду какого-то невероятного изменения обстоятельств. Я могу жить в них, если позволяю Христу входить туда и если Христос начинает присутствовать во мне. Это позволяет нам пребывать внутри любых обстоятельств так, чтобы наша жизнь была единой, цельной, чтобы она дышала, а не задыхалась, потому что Его личность, присутствующая здесь и сейчас, меняет всю, буквально всю жизнь. Тайна, послав нам Своего Сына, позволила Ему в воплощении испытать эту новизну, чтобы мы увидели, что и Бог, пронизывающий все, может жить в Человеке. Если Христос воскресший живет в нас так, мы сможем дышать полной грудью где угодно. Дышать нам позволяет не место, а Тот, Кто живет в нас в любом месте.

Следующая школа общины состоится в среду, 23 января. Мы продолжим работать над второй главой четвертой части книги «Зачем Церковь», «Дерево познается по плоду», перейдем к пунктам, касающимся святости и чудес (с. 241–250). На итальянском сайте Движения, в разделе «Школа общины» можно скачать аудиофайлы тех частей книги, которые мы сейчас читаем.

Tracce

Как вы видите, каждый месяц мы посвящаем какой-то одной главной теме, которая занимает большую часть журнала. Таким образом мы хотим помочь друг другу серьезно рассматривать определенные вопросы, кажущиеся нам важными в настоящий исторический момент жизни Движения, Церкви и общества.

Один человек прислал мне к сегодняшней школе общины письмо: «Хочу прежде всего выразить мою благодарность за ноябрьский номер *Tracce*, потому что в нескольких статьях я увидел свидетельство о плодах единства, о которых говорится в школе общины, того единства сознания, которое происходит напрямую от того, что Иисус нам открыл о Себе чего просит у нас как соучастия в Его присутствии, от той объединяющей простоты в восприятии, слушании существования и в суждении о нем, которая, входя в отношение с вещами и людьми, органичным образом стремится понять их адекватным, открытым любым возможностям способом». Это и есть *Tracce*. И поэтому мы предлагаем его, чтобы воспитывать друг в друге такой целостный взгляд. «Опыт единства, засвидетельствованный в статьях, позволяет и мне

переживать тот же опыт единства – плод близости с Тайной». *Tracce* предназначен не только для тех, кому больше нечего читать: он позволяет расширить взгляд, которому мы учимся на школе общины, и смотреть на все аспекты реальности. И этот взгляд представляет собой нечто желанное. Многие желают такого единства, как желают, чтобы их взгляд достигал любого аспекта реальности. И *Tracce* – это наша попытка помочь друг другу в воспитании такого взгляда.

Мы слышали во время Дня начала года, о чем переживал отец Джуссани: «Христианство есть возвешение, нечто живое, присутствующее и не сводимое ни к каким культурным факторам или нравственным ценностям», – и ощутили, что его слова напрямую касаются и нас. Поэтому в декабрьском номере мы решили в разных статьях показать, где мы замечаем это странное отличие, где расцветает это присутствие, будь то в Африке или в школе в Майами.

На сайте Движения опубликована [видеозапись](#) (на испанском языке с итальянскими субтитрами) [презентации книги](#), которую испанский антрополог Микел Азурменди написал после двух лет встреч с людьми из Движения и участия вместе с ними в различных инициативах (карикативе, каникулах, школах общины, Митинге в Мадриде). Поразительно, насколько его изумляет увиденное, то, что мы часто воспринимаем как нечто само собой разумеющееся, удивительно слышать описание пути, который ему пришлось проделать, чтобы понять то, что он видел. Это огромная помощь на нашем пути.

В наступающие праздничные дни мы будем обмениваться поздравлениями со множеством родных, друзей и знакомых. Я вам желаю, чтобы взгляд на все – на все без исключения – рождался от сознания, моего и вашего, о достоинстве, которое обрел человек благодаря тому, что Бог воплотился.

Счастливого всем Рождества.

Veni Sancte Spiritus